

правления. В июне 1801 г. эта тема была публично поставлена на обсуждение самим императором в запросе о правах Сената. Одновременно русское дворянство присматривалось к деятельности только что созданного Государственного совета и с недоброжелательным интересом следило за работой «якобинской шайки» — Негласного комитета.

В феврале 1802 г., в пору собраний Негласного комитета, в «Вестнике Европы» было напечатано «Письмо из Константинополя», где, описывая беспорядки и безначалие, царящие в Турции, Карамзин утверждал: «Турецкое правление есть уже не древнее деспотическое, на темном Алькоране и воле султана основанное, но совершенная аристократия <...> Намерение их (советников султана. — *И. Н.*) состояло в том, чтобы ограничить власть великого везиря, и чтобы султан поручил внутреннее правление Государственному совету, или Дивану, который до того времени не мог ничего делать сам собою». Последняя часть письма содержит уже явную проекцию на русские события, в частности на деятельность Негласного комитета и на отношения, которые существовали между его членами еще до воцарения Александра I: «Гуссейн (один из членов Совета. — *И. Н.*), будучи невольником при Селиме (султана. — *И. Н.*), когда он в достоинстве наследника содержался под стражей, приобрел еще тогда любовь его ¹⁹ <...> Сии турецкие аристократы не смеют употребить жестоких средств для хранения порядка, а слабыя не помогают <...> Войска и янычары не чувствуют большой ревности сражаться за 10 аристократов, ни мало не заслуживших любви народной» (IV. 81—83).

В дальнейшем Карамзин более явно выразил свое крайне негативное отношение к попыткам «аристократии» ограничить самодержавную власть. В «Записке о древней и новой России» (1811) писатель посвятил этому вопросу следующие строки: «В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: „можно, надобно только поставить закон еще выше государя“. Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату-ли? Совету-ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они — угодники царя, во втором, во втором захотят они спорить с ним о власти, — вижу аристократию, а не монархию».²⁰

Швейцарские статьи «Вестника Европы» с их главной темой — аристократы во главе крестьянских мятежей — также содержат параллели к русским событиям, затрагивая одновременно два основных вопроса, волновавших общество: о крепостном праве

¹⁹ Явная параллель с взаимоотношениями между императором и Адамом Чарторыйским, одним из членов Негласного комитета. Дружба между ними возникла, когда Александр был еще наследником, а Чарторыйский являлся «заложником» при русском дворе после подавления польского восстания 1794 г.

²⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 46—47.